

ТАКОЙ "ШУМ ВРЕМЕНИ" НАМ СТРАШЕН И... ПРИЯТЕН

Спектакль, который произвел фурор на Венском фестивале, мог бы стать гордостью русского театра и российской культуры вообще, будь он у нас поставлен. Однако жизнь и творчество нашего великого Дмитрия Шостаковича заинтересовали англичан, а не его соотечественников. Впрочем, Россия твердо держалась своего кредо: "Нет пророка в своем Отечестве" — ни при жизни, ни тем более после нее.

"Шум времени" представил известный английский театр "Комплиситэ" который наши театры хорошо помнят по спектаклю "Улица крокодилов". Его привозили в Москву в конце 80-х и играли в Театре на Таганке. "Шум времени" сделал режиссер Саймон Макберни 2—3 года назад. Однако увидеть, как решается самая неблагоприятная и обреченная на ложный пафос тема из серии "ЖЗЛ", — стоит того и сейчас.

Правила игры заданы с самого начала: любезный господин предупреждает, что во время спектакля будет сделана запись для Би-би-си, и поэтому хлопать нужно по команде, а также желательно не кашлять, не сморкаться. Не говоря уже о сотовых телефонах. За звонок на который во время спектакля в Вене можно поплатиться штрафом.

Затем включается экран и возникает хроника 20—30-х годов. Кинодокумент сопровождает шум допотопных радиоприемников, которые как будто плавают в темноте без посторонней помощи, мерцающая лишь желтыми световыми квадратами. Появляется несколько макинтошей — без ног и рук. Макинтоши нервно мечутся по сцене, как всадники без головы, и вдруг распаиваются лицом Шостаковича.

Женский голос из репродуктора, тщательно артикулируя английские слова, размеренно читает лекцию, как надо слушать музыку, каковы механизмы ее восприятия человеческой памятью, и еще выдает много нужной и полезной информации на этот счет. Возникает музыка — тихая, но тревожная, с оглядкой на прошлое и страх за будущее. У музыки как будто подняты воротники. Это Шостакович, который смотрит с экрана — сначала с юношеских фотографий, потом со снимков, где он уже известный композитор, отец семейства, член некогда мощного Союза композиторов.

Мужской голос на немецком читает выдержки из писем к матери, еще к кому-то. Музыка нарастает как шум времени. Музыка, а вернее образ, который она несет, иллюстрируют четыре мужские фигуры. Они как-то так особенно движутся по сцене, что напоминают одновременно марионеток, которые делают упражнения по биомеханике Мейерхольда. Пластика, подкрепленная изображением погибшего в сталинских за-

стенках режиссера, музыка, шумы говорят, что жизнь сломана. Какой-то услужливый идиот несет с экрана чушь про оторванность художника от народа и советской действительности. Цитата из письма Шостаковича о том, что все вокруг уходит, и справа в глубине сцены высвечивается груда — памятник ли, общая могила?.. Только с нарастающим светом различаешь подобие Пизанской башни, выстроенной из стульев, перевернутых вверх ногами один на другой. Техническая безупречность добивает публику окончательно, когда по всему заднику открывается космическая бесконечность с ползущей полевой вуалью, застывающей на полпути. И тут...

И тут выходит на сцену знаменитый "Эмерсон-квартет" из Нью-Йорка и играет последний квартет Шостаковича, написанный им в 1974 году. Их игра — безупречное продолжение визуального реквиема. Страшно красиво. Страшно утонченно. И просто страшно... Эстетство высшего порядка, произведенное Саймоном Макберни и его командой, не угнетает, а оставляет просветленное чувство насчет безграничности человеческих возможностей. Как в музыке, так и на театре.

Вполне возможно, что "Шум времени" доберется до Москвы в 2003 году и будет показан в рамках готовящегося сейчас Международного Чеховского фестиваля. Уж нам-то он точно будет страшен и приятен.

Марина РАЙКИНА,
из Вены по телефону.